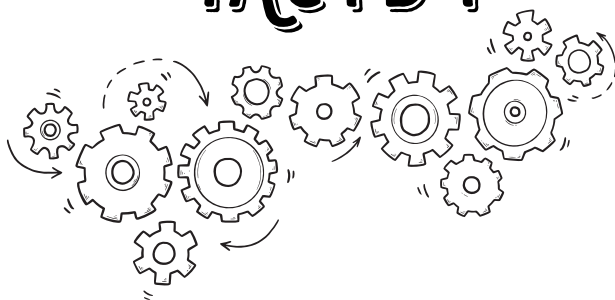

ЧАСТЬ I

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ЭВАНА УОТЕРСА
ЛУНДЕНБУРХ, МАРТ, 18** ГОД

...понятия не имею, во что ввязываюсь!

Получив прямое распоряжение мистера Фэйрриса разузнать как можно больше о новом изобретении прославленного мистера Мирта, я отправился в самое отдаленное из всех возможных путешествий. По небу, вообразите себе, на удобном паровом монстре под названием «дирижабль»!

Проклятый мистер Табриэль Мирт!

Все-то ему удается и ничто не выходит боком. Ходят слухи — о, от каких лиц получены эти сведения, с полным запретом на публикацию где-либо, — что он в одиночку спас Правительство Бриттских островов от покушения. Ну, та история с соединенной с рельсов паровой машиной, ее пару месяцев смаковали все периодические издания, включая

журнал об искусстве и «Вестник механика».

Теперь в Каледонию в спешке прокладывают рельсы, а в ангаре, закрытом до следующей Ежегодной выставки достижений, вовсю идет строительство новых паровых машин. А сам мистер Мурт, поговаривают, остыл к своему детищу и появляется в ангарах от силы раз в неделю, чтобы инженеры и механики могли задать ему вопросы по чертежам.

Сам же он проводит все свое время где-то за городом. Купив небольшой участок земли, он переоборудовал заброшенную ферму под свой новый изобретательский полигон.

И придумал он, ни много ни мало, машину, способную летать по небу! Ди-ри-жабль, в дробь бросает от одного этого слова.

Мне надо навязаться ему в сопроводящие на первый полет.

А меня воротит с одной его роти с вежливой улыбкой. Смотрит своими серыми глазами в душу, бррр. «Приходите, говорит, мистер Ютерс, как закончу. Не могу, говорит, раньше времени показывать

свою работу!» — А откуда же тогда мелкие газетенки вроде «Вестник Лунденбурха» прознали об этом раньше всех?

Здесь еще и постоянно вертится эта дамочка, Эконит, вторая прищина для повсеместных сплетен и досужих разговоров. Она, значит, стала первым в истории машинистом, но кататься до Каледонии и обратно расхотела!

Говорят, теперь она обугает на специальном аппарате своих феминистически настроенных товаров! Это, выходит, каждой паровоз будет вести женщина? Никто не думает о безопасности нации!

И эта Эконит на таком хорошем счету, что мистер Фэйрис запретил мне публиковать феллетон о том, что она, будучи не замужем, все время проводит на ферме с подозрительного вида холостяком! Наша секретарша мисс Ридженс убеждена, что Мирт и Эконит поженятся до конца года. Кажется, даже с кем-то заключила пари.

Страшно представить, что это будет за семейка!

МАРИЯ РУДНЕВА

Однако же я выяснил адрес фермы, где мистер Мурт занимается своими изобретениями. И придется мне наведаться туда и как следует постараться огаровать его. Если не попаду на борт дирижабля, мистер Фэйрис снимет с меня шкуру и сделает из нее ковер!..

Глава 1

О ДИРИЖАБЛЯХ И ПАРОВЫХ МАШИНАХ

Мистер Габриэль Мирт всегда просыпался рано — как правило, оттого, что какая-то идея приходила к нему во сне и требовала немедленной реализации. Потому возле его кровати было свалено бесчисленное множество чертежей и записных книжек, а чернильница и перьевая ручка лежали на тумбочке в изголовье кровати. Иногда мистер Мирт записывал мысль, ворвавшуюся в голову, не до конца проснувшись, а потом с интересом изучал получившиеся каракули, стараясь разгадать собственный почерк.

Вот и сейчас — первые рассветные лучи только коснулись пыльных окон особняка, увитого густым плющом, а мистер Мирт уже сидел на кровати, накинув поверх пижамы мягкий бархатный халат, и пытался разобраться, что записал в ночи.

— Нет, это невозможно, — возмутился он, когда острое перо ручки проткнуло бумагу насквозь. — Так совершенно невозможно работать!

— Утро, — в спальню заглянул Поуп. — Готовить?

— Утро, — вздохнул мистер Мирт, с досадой отбрасывая в сторону исписанные листы.

Горгуля-дворецкий осторожно протиснулся в комнату, неся в руках таз с холодной водой для умывания и чистое полотенце.

МАРИЯ РУДНЕВА

Мистер Мирт поднялся с постели, скинул халат и верхнюю часть пижамы и подошел к туалетному столику. Ежедневная рутина мало занимала его. Каждое утро он делал одно и то же, как и все лунденбургские джентльмены, — обтирался влажным полотенцем, брился опасной бритвой и совершал прочие необходимые процедуры.

Поуп тем временем приготовил его костюм и чистую рубашку.

— Амелия, — сообщил он и ткнул каменным пальцем в пол.

Это означало, что мисс Эконит заглянула в гости с утра пораньше, и спускаться вниз в халате нежелательно. За то время, что они были знакомы, мисс Амелия, конечно, видела Габриэля в самом разном виде — в том числе и в пижаме. Но Поуп, воспитанный при королевском дворе, настаивал, чтобы мистер Мирт хотя бы пытался соблюдать приличия.

В конечном итоге мистер Мирт спустился вниз в брюках и рубашке, с аккуратно завязанным шейным платком, в жилете, но без сюртука. Он не был намерен выходить из дома до того момента, как поймет, где именно ошибся в расчетах.

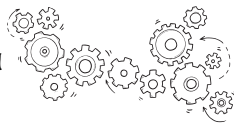
Без этого дирижабль не поднять в воздух.

Мистер Мирт ненавидел оказываться в шаге от победы — и лишаться возможности дотянуться до момента торжества. Он снова и снова изучал чертежи и планы, перечитывал заметки Гилдероя Эконита в надежде, что они наведут на мысль, но неизменно терпел поражение.

— Эта дурная машина полетит, — пробормотал он, спускаясь по пыльной лестнице, по темным дубовым перилам которой вился орнамент из ветвей мирта и цветов колокольчика. Король Чарльз Блюбелл, изображенный на портрете, смотрел на него из темноты с легкой усмешкой.

Габриэль прошел мимо него, зажмурившись.

Мирт. Холмы Каледонии

Он не желал думать о Джеймсе.

Всего его мысли занимал исключительно дирижабль. И маршрут в Каледонию представлялся самым подходящим для изучения возможностей полета и проверки состояния железнодорожного вокзала.

Только и всего.

* * *

Мисс Амелия Эконит не любила четверги, а потому самые приятные дела переносила на пятницу, приберегая их словно десерт на окончание не самого достойного ужина. Вот и этим пятничным утром она отправилась навестить мистера Мирта за завтраком и поболтать о делах.

Однако «отправилась» будет, наверное, словом не совсем верным. Мисс Амелия буквально сбежала через заднюю калитку, спасаясь от нравоучений своей достопочтенной матушки. Все дело в том, что миссис Эконит была весьма обеспокоена репутацией своей дочери после всех скандалов вокруг паровой машины. «Клуб добрых жен», где миссис Эконит нашла подруг по несчастью (таких же несчастных матерей непутевых дочек), посоветовал ей немедленно выдать мисс Амелию замуж, пока не стало слишком поздно.

При мысли о «слишком поздно» миссис Эконит подкапывала глаза и призывала дворецкого с напатырем.

Благо добродетельные жены не оставили подругу в беде и быстро подыскали неплохого кандидата по фамилии Ричардс, родом из Эйре, с большим поместьем под Лунденбурхом. И миссис Эконит нынче утром торжественно объявила дочери о грядущей помолвке.

Мисс Амелия повернулась на каблуках и молча ушла.

Будучи суфражисткой, она была абсолютно уверена в том, что договорные браки не имеют права на существование. Но будучи дочерью миссис Эконит, она так же точ-

МАРИЯ РУДНЕВА

но знала, что иметь с ней дело в такие моменты решительно невозможно.

Поэтому она предпочла провести утро в более приятной компании, немного выдохнуть, а потом обратиться за помощью к дяде Джеффри и «Обществу суфражисток». Само собой, не единовременно, но лучше управиться со всем до вечера, а то мало ли, что еще успеет прийти в голову матушке.

Дом мистера Мирта всегда казался Амелии убежищем. Слишком он отличался от всех прочих благородных домов, в которых ей доводилось бывать. Словно она в самом деле проваливалась в холмы фаэ. Впрочем, что тут удивительного? С тех пор, как она узнала, что Габриэль Мирт на самом деле подменьш фаэ, ей на многое открылись глаза.

Теперь она уже не могла не видеть, что глаза мистера Мирта слишком светлые и прозрачные, как топаз, не бывает таких глаз у человека, только у фаэ. И что отражается в них звездный свет и тайны лесов, которых Габриэль никогда не видел.

Он двигался легко и свободно, на его плечах не лежал груз ожиданий общества, а если кто-то пытался давить на него — он непринужденно выскальзывал из хватки. Как было, например, с «Клубом изобретателей имени П. Графа» — прилюдно отказавшись от членства в нем, Габриэль не стал даже пытаться вступить в какой-либо еще джентльменский клуб, утверждая, что ему это не нужно.

Он спас Парламент, в конце концов. Он имел право так утверждать.

Мисс Амелия услышала шаги на лестнице и подняла голову. На сердце у нее потеплело, на губах заиграла улыбка — как всегда при виде Габриэля. С того самого поцелуя на заснеженном кладбище они... Между ними что-то менялось. Но они не говорили об этом, не потому, что

Мирт. Холмы Каледонии

не желали — мисс Амелия очень хотела, но... У них всегда находились другие темы для обсуждения.

Например, проклятый детьми Даннан дирижабль, который никак не желал взлетать!

* * *

Мистер Мирт ворвался в гостиную.

— Амелия! — радостно воскликнул он. — Я не ожидал, что вы приедете.

— Это была вынужденная мера, — вздохнула мисс Амелия. — Я сбежала от матушки.

— Что на этот раз?

В голосе мистера Мирта звучало подлинное сочувствие. Он был уже прекрасно осведомлен о сложном характере миссис Эконит, но до сих пор не имел чести встретиться с ней лицом к лицу. Проще говоря, мисс Амелия старательно прятала его и эту часть своей жизни от матушкиного внимания — еще не хватало, чтобы мистера Мирта и его гениальные идеи разбирали по кусочкам на светских раутах.

Достаточно было и того, что наверняка творилось за закрытыми дверями джентльменских клубов.

Мисс Амелия закатила глаза и взяла с низкого столика чашку с ароматным чаем. Она считала — и была в том совершенно права, — что во всем Лунденбурхе никто не заваривает чай лучше, чем Поуп.

— Представляете, она нашла мне жениха!

У мистера Мирта дрогнула рука. Чай, перелившись через глазурированный бортик, расплескался по блюду и частично пролился на колени, но Габриэль, казалось, этого просто не заметил.

— Жениха? — переспросил он, стараясь сохранять спокойствие.

Не вздумает же мисс Амелия в самом деле...

МАРИЯ РУДНЕВА

— Представляете! — мисс Амелия словно бы не заметила его реакции. — Жениха! Какого-то Ричардса из Эйре. Якобы у него поместье и неплохие земли. Вы представляете? Пытаться купить меня каким-то поместьем и землями. Да я скорее поселюсь в кабине машиниста и буду каждый день мотаться в Каледонию и обратно, только чтобы не встречаться больше с подобной перспективой.

Мистер Мирт ощутимо расслабился и выдохнул. Ему даже удалось сделать глоток чаю.

— А вы... Вы не намерены в самом деле...

— Замуж?! Нет!

— Рад это слышать, но я спрашивал о кабине машиниста, — мистер Мирт наконец взял себя в руки. — Я помню, что в самом начале обещал вам, что так и будет, вы станете машинистом каледонской паровой машины, но теперь...

— Вы уже говорили, — мисс Амелия качнула носком сапожка. — Вы хотите, чтобы я полетела с вами на дирижабле.

— Да, и вы не ответили мне!

— Я должна была подумать — это все-таки высоко! — вскинулась мисс Амелия.

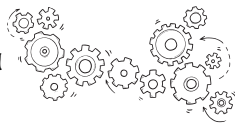
Не то чтобы она на самом деле опасалась высоты, но вряд ли подъем на Лунденбурхский мост мог сравниться с полетом дирижабля.

— Паровая машина — это здорово! И я всегда буду рада вернуться за руль, — горячо продолжила она. — Но другие девушки тоже неплохо справляются! Я получила свою долю славы — не только как первый машинист, но и как спасительница Парламента. Чем плохо? Я хочу идти дальше. Я знаю, папа тоже этого бы хотел.

Мистер Мирт посмотрел на портрет Гилдероя Эконита, который с некоторых пор висел у него в гостиной рядом с портретом черноволосого синеглазого юноши — единственным уцелевшим изображением Джеймса.

— Ну, раз ваш отец хотел бы...

Мирт. Холмы Каледонии

— Габриэль!

— Что Габриэль! Вы измучили меня, за три дня не дав согласия! А машина еще и не взлетает... Хотя тут я, кажется, нашел причину. Но мне нужна еще пара дней, чтобы все пересчитать. Боюсь, я ошибся где-то вначале.

Мисс Амелия улыбнулась ему:

— Я уверена, что все получится. Это же вы. Когда вы ошибались по-крупному?

Когда Джеймса у себя под носом проворонил.

Мистер Мирт снова и снова прокручивал в памяти тот день запуска паровой машины и вспоминал — только слишком поздно, — что видел Джеймса в толпе и... не узнал. Вот так брат.

Он бы мог, наверное, последовать за ним. Мисс Амелия и Джон Органс справились бы вдвоем, а он...

Цзянь определенно справился лучше. Ну и кто тут любимый и верный друг?

— Габриэль? — осторожно окликнула мисс Амелия.

— А?.. — Мистер Мирт встрепенулся. — Что? Я потерялся?

— Вы смотрели на портрет Джеймса и хмурились. Снова сожаления?

Сожаления.

Они все решили называть это так — после того как Габриэль Мирт последним узнал, что его брат, изгнанный принц Джеймс Блюбелл, вернулся, да еще и с такой целью.

После того как ему пришлось раскрыть все карты перед заинтересованными лицами и, наконец, спустить курок, глядя брату в лицо...

Да, это называлось — сожаления.

А еще трусость и предательство, как подсказывал заботливый голос совести. Мистер Мирт стремился не замечать его, но очень непросто игнорировать что-то, что находится внутри твоей головы.

МАРИЯ РУДНЕВА

— Вы же говорили, что он должен был бежать в Каледонию?

— Если у него хватило ума, то да, — мистер Мирт тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли.

— А что, если мы его поищем? — легкомысленно предложила Амелия.

Мистер Мирт как раз поднес чашку ко рту и закашлялся, поперхнувшись.

— Амелия... — выдохнул он. — Как вы это себе представляете?

— Хотя бы узнаем, не видел ли его кто. Внешность у него приметная. Нам же все равно предстоит инспектировать вокзал!

— Что ж... Как хотите. — Мистер Мирт знал, что легкомысленный тон Амелии был таким же искусственным, как и ее спокойствие.

Знал он и о том, что Джеймс водил ее на ужин и пытался ухаживать.

И до сих пор не знал, как к этому отнестись.

— В любом случае, моя дорогая, я рад, что вы согласились. — Он поднялся и пересек комнату, чтобы опуститься на колени у ее кресла и бережно поцеловать костяшки пальцев. — Осталось только поднять эту трижды проклятую машину в воздух прежде, чем она сведет меня с ума, — и мы вольны делать все, что захотим.

Мисс Амелия нежно провела рукой по его кудрявым волосам.

Думала она сейчас вовсе не о Джеймсе и даже не о непокорном дирижабле, а о том, как изменился в лице мистер Мирт, стоило ей сказать про жениха. От этих мыслей на сердце становилось теплее, а его поцелуй на ее пальцах горели огнем.

ИЗ ДНЕВНИКА ГАБРИЭЛЯ МЮРТА
ЛУНДЕНБУРХ, АПРЕЛЬ 18** ГОДА

...совершенно невозможно работать!
Мениха! Ее матушка подобрала ей жениха, и хотя Амелия и утверждает, что не хочет замуж — по крайней мере за этого Ригардса, — все равно это возмутительное событие, выдвигавшее из колен.

Стоило пожаловаться Поучу, как он немедленно посоветовал пойти на опережение и в свою очередь сделать предложение. Ха! Так мисс Амелия и обрадовалась. Одно дело — ввязываться в веселые приключения с подменным фраз, и совсем другое — выйти за него замуж.

Я не могу представить ей и трети тех удобств и благ, которых она достойна. Мой старший особняк продувают все ветра мира, деньги текут сквозь пальцы, потому что

я вкладываю их в работу, и, признаюсь честно, со мной невозможно иметь дело, когда я на чем-то зациклен.

А я всегда зациклен на своих изобретениях.

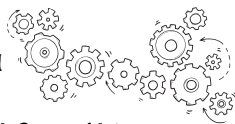
Такова жизнь гения, скажете вы? Но я не гений. Я просто фаз, обладающий дребними знаниями и умеющий воплотить их в жизнь. Я последний мост между людьми и фаз.

И вот еще почему я должен отступить от мисс Амелии и всех желаний, какими бы они ни были, какие бы чувства я ни испытывал при виде ее.

Фаз и люди редко создавали крепкие союзы.

Чаще всего фаз губят тех, кого любят, так уж устроены их легкомысленные сердца. Я не желаю погубить самое драгоценное сокровище, поэтому... Я решил, с этого дня — только деловые отношения. Никаких поцелуев ружек или компрометирующих ситуаций. Я смогу — ради моей дорогой Амелии.

...лучше мне думать о дирижабле.

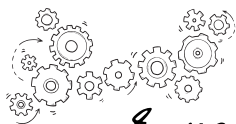

Эта огромная машина никак не хочет подниматься в воздух. И ведь все есть. Корпус из металла и крепкой парусины, несколько ретингов работы закрывков для лучшего преодоления воздушного сопротивления и уникальный облегченный паровой двигатель в задней части. Казалось бы: кидай в маленькую пещь топливо и лети себе, куда хочешь.

Командная и моторные gondoli достаточно облегчены и не должны мешать взлету. Рули высоты и направления отлажены.

Но мы с Ортансом уже проверили каждую деталь аппарата, буквально заново собрали его, все в нем идеально, только он не летит. Мы уменьшили двигатель настолько, насколько это было возможно, чтобы разместить его в gondole и обеспечить приток пара без перебоев. Потом экранировали двигатель и вывели трубу вниз — казалось бы, напора должно хватить, но...

Но я, кажется, этой ногой нашел разгадку. И она напрямую связана с наполнением оболочки из баллона.

МАРИЯ РУДНЕВА

Я надеюсь, что после того, как я внесу изменения по новым герметам, все придет в норму и мы наконец-то полетим!

Мы — это я, Амелия и Поуп. Идея взять его в полет принадлежала Амелии. А я... кажется, ни в чем не могу ей отказать!

Что ж. Время работать. Проще, грустные мысли...

Глава 2

НАВЯЗАННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Мистер Габриэль Мирт стоял перед особняком главы Парламента мистера Чейсона Уолша и не решился постучать. В конце концов дверь открылась сама. Запуганная служанка мистера Уолша, видимо, заметила его в окно и поспешила открыть. Мистера Мирта здесь ждали.

В прихожей его встретил дворецкий и принял от него цилиндр и пальто. Заплаканная женщина в темном платье — супруга мистера Уолша — вышла навстречу.

— Как славно, что вы нашли минутку навесить нас, мистер Мирт, — сказала она, промокивая глаза шелковым платочком. — Чейсон недавно спрашивал о вас. Ему о чем-то надо посоветоваться с вами, он все твердит, что кроме вас никто не справится.

Мистер Мирт не стал говорить, что приглашение мистера Уолша нарушило все его планы.

— Я всегда готов прийти на помощь Парламенту и Лунденбурху, чего бы это ни требовало, — с дежурной вежливостью ответил мистер Мирт, хотя на самом деле его мучило любопытство — по какой причине мистер Уолш вызвал его к себе? После того происшествия с паровой машиной и Джеймсом они почти не общались: мистер Мирт был слишком занят идеей летательного аппарата, а мистер Уолш со всей старательностью налаживал

МАРИЯ РУДНЕВА

отношения с империей Хань, чтобы сгладить вероятность возможной войны.

Поговаривали, впрочем, что в последние недели мистер Уолш захворал. И, войдя в его спальню, мистер Мирт вынужден был признать, что это истинная правда.

Мистер Уолш ослабел настолько, что не в состоянии был подняться с кровати и принять гостя в кабинете. Служанка взбила подушки, а миссис Уолш помогла мужу сесть и опереться на них.

Выглядел он и в самом деле плохо. Внимательный мистер Мирт отметил запавшие глаза, узкие губы и нездоровый, желтоватый цвет лица.

Но взгляд мистера Уолша все еще оставался твердым и уверенным. Им он без слов распорядился, чтобы служанка и жена покинули спальню и оставили его с мистером Миртом наедине.

— Мистер Уолш... — мистер Мирт осторожно присел на стоящий неподалеку стул. — Вы меня вызывали.

— Да... Мирт, мне нужна ваша помощь. Я болен... Так сильно, что врачи лишь руками разводят...

— Боюсь, я не знаю, чем мог бы помочь вам. Я изобретатель, далекий от медицины... — растерялся мистер Мирт.

Мистер Уолш слабо взмахнул рукой, призывая его замолчать.

— У меня не так много времени, Мирт. Послушайте, главное сейчас не то, чем вы занимаетесь, но кто вы есть...

— Простите?..

— Вы фаэ, Мирт. Боюсь, я оказался в ловушке, в которой только фаэ остаются моей надеждой...

— Мистер Уолш, — как можно мягче произнес мистер Мирт. — Разве вам не известно, что я — подменьш, который с раннего детства не имел дела с настоящими фаэ? Закрыв Холмы от смертных, они также отгородились и от меня...

Мирт. Холмы Каледонии

— Мирт! — перебил его мистер Уолш. — Я умираю. Мне остались считанные недели. Но мне рассказали одно... пророчество или легенду, я не знаю, что это. Про яблоки утерянного Абаллаха. Про то, что они даруют второй шанс любому, кто вкусит их.

— Да. Такая легенда и вправду есть. Яблони Абаллаха считают давно утерянными.

— Мирт, я прошу вас... — Чейсон Уолш дотянулся до руки мистера Мирта и крепко ее сжал. — Я знаю, что вы планируете путешествие в Каледонию.

— Я собирался проверить, как идет строительство вокзала...

Мистер Уолш словно не слышал его.

— Я прошу, нет... умоляю вас... отправляйтесь в Холмы, добудьте для меня это яблоко... Мирт, если не вы, то никто больше не сможет. Я не поскуплюсь на награду...

— Мне не надо... послушайте...

— Нет, Мирт, это вы меня послушайте... Вы однажды спасли меня, потому что понимаете, как важно то, что я делаю. У меня нет преемника. Я не успел его подготовить. Парламент не способен... существовать без меня...

Голос мистера Уолша звучал все тише и тише.

— Я отправлюсь в Каледонию, — пробормотал мистер Мирт. — Но обещать ничего не могу.

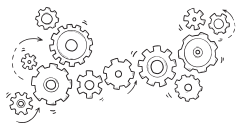
— Обещайте, что хотя бы попытаетесь, — прошелестел мистер Уолш.

Казалось, беседа с мистером Миртом высосала из него последние силы.

— Я постараюсь, Чейсон, — тихо сказал мистер Мирт и осторожно похлопал по руке больного.

Потом вышел в коридор и кивнул ожидающей там миссис Уолш. Она прижала платочек к глазам и поспешила в спальню.

Служанка молча проводила мистера Мирта к выходу.

МАРИЯ РУДНЕВА

* * *

Мистер Мирт возвращался домой в подавленном настроении. Разговор с Чейсоном Уолшем не принес ничего, кроме уныния. Долг велел Габриэлю найти абаллахское яблоко. Раз он сделал свой выбор — и повторял его снова и снова, ратуя за Парламент и будущее Бриттских островов, — он не мог отступить сейчас. Чейсон Уолш создал Парламент, и никто не мог ожидать, что его так скоро свалит недуг.

Он остановил кеб у ворот своего особняка и спрыгнул на мостовую. Лето выдалось засушливым, и ему хотелось поскорее попасть в прохладный сумрак дома. Но сначала следовало позаботиться о коне и кебе. Что ни говори, а были и свои трудности в том, что единственный слуга в доме — горгулья, не покидающая пределов особняка.

Мисс Амелия как-то спросила, может ли Поуп существовать вне дома. Габриэля тогда вопрос поразил до глубины души. Какие дикие представления о магии фаэ у нынешних молодых людей! А ведь не минуло и поколения с тех пор, как фаэ ушли.

— Конечно, Поуп может, — ответил мистер Мирт. — Поуп — существо, созданное из тьмы и тумана, из земли и камня Древней Каледонии. Он — каменный великан, которого пробуждает к жизни голос того, в ком течет королевская кровь. Ну, или в моем случае, кровь условно коронованного фаэ. Он не морок этого дома!

— Замечательно! — воскликнула мисс Амелия. — А раз дело обстоит так, можем мы взять его с собой для полета на дирижабле?

Мистер Мирт ничего тогда не ответил, потому что задумался, насколько уместно было бы брать с собой Поупа, не рискуя при этом выдать остатки правды о себе всему честному народу. С другой стороны, терять было уже

Мирт. Холмы Каледонии

нечего, а Поуп и в самом деле слишком давно не покидал четырех стен. Это было несправедливо по отношению к верному другу, без которого мистер Мирт, довольно беспомощный в быту, давно бы забыл о необходимости пить чай, хотя бы иногда ужинать и время от времени предаваться сну.

Однако именно ввиду того, что Поуп не занимался конюшней, мистер Мирт всегда помнил о лошадиных нуждах, несмотря на то, что слишком часто порывался забыть о своих.

Заведя лошадь в стойло и убедившись, что все в порядке, мистер Мирт пошел к дому. Печальные мысли снова охватили его. Он медленно взошел на крыльцо и надавил плечом на дверь, буквально вваливаясь за порог.

— Что с вами? — пророкотал Поуп, принимая из его рук цилиндр и перчатки.

— Устал, — неожиданно для самого себя пожаловался мистер Мирт. — Был день, полный тяжелых встреч и разговоров. Надеялся дома отдохнуть, но уже понял, что ошибся. Так что я, пожалуй, сейчас что-нибудь перекушу и поеду в ангар.

— Вы не собирались, — осуждающе покачал каменной головой Поуп.

Мистер Мирт вздохнул:

— Когда я занимаюсь делом, все вокруг кажется чуточку лучше. В голову не лезут все эти путанные мысли, похожие на клубок, с которым долго играла кошка. У меня в голове, кажется, липкий кисель, и это не самое лучшее топливо для моих изобретательных мозгов. Боюсь, если останусь сейчас дома, только усугублю собственное плачевное душевное состояние. Так что отправлюсь к дирижаблю и попробую еще раз переделать все расчеты, может, определю наконец, где же допускаю ошибку.

— Если спросят, то где вы? — буркнул Поуп.

МАРИЯ РУДНЕВА

Дворецкий все еще выглядел недовольным, однако в каменных лапах уже держал кожаные перчатки и гоглы, в которых мистер Мирт неизменно возился с механизмами.

— Если мисс Эконит, или Цзиянь, или Органс... то им скажи как есть. Для всех остальных — я уехал до утра.

Поуп кивнул.

Мистер Мирт во всем предпочитал последовательность. Наметив план, он стремился выполнять его, не пропуская ни единого пункта. Вот и сейчас, решив победить, он сделал это добросовестно, до крошки съев все, что приготовил Поуп. Правда, вкуса еды он совсем не почувствовал, но это была сущая мелочь, уже привычная для этого дома. Мистер Мирт все равно никогда не говорил об этом вслух, чтобы не проверять пределы терпения Поупа.

Перед выходом мистер Мирт потратил некоторое время на то, чтобы сменить одежду на рабочую — идеально выглаженный зеленый костюм, в котором он навещал мистера Чейсона Уолша, не подходил для грязной работы. Прихватив саквояж с инструментами, он покинул особняк.

Конь встретил его непонимающим выражением морды.

— Прости, дружище, — пробормотал Габриэль, выводя его из стойла. — Я понимаю, мы совсем недавно вернулись. Я мечтал оказаться дома, но понял, что тут мне только тяжелее. В ангар, мой друг! Надеюсь, близость моего нового детища вошьет в меня немного сил!

Саквояж и рабочую одежду он сложил в кеб, а сам вывел коня за ворота и легко взобрался на козлы.

Мистер Мирт и сам понимал, что просто мечется, пытаюсь найти хоть что-то, что позволит отвлечься от тяжелых мыслей. А метания еще никогда и никому не прино-

Мирт. Холмы Каледонии

силы пользы. Разве куропатка, испуганно взлетающая из зарослей, не попадает прямо под выстрел охотника? В то время как мудрый лис, затаившись, переждет, пока опасность минует.

Мистер Мирт находился в довольно уязвимой ситуации, осознавая, что мистер Уолш не случайно обратился за помощью именно к нему. С одной стороны, его просьбу можно было расценить как невероятное доверие со стороны британского правительства, но с другой... Если заглянуть немного глубже, в те механизмы — а в них мистер Мирт разбирался как никто другой, — что приводили в действие британскую политику сейчас, можно было заметить глубокое подозрение в отношении того, что на самом деле произошло зимой.

Чейсон Уолш имел полное право не доверять Габриэлю Мирту как представителю королевской семьи Блюбеллов, как брату Джеймса и как фаэ и в то же время вынужден был с ним считаться.

Зато придуманная им задача несла в себе легкий флер старинных сказок.

— Пойди туда, не знаю куда... — пробормотал мистер Мирт, останавливая коня около ворот фермы.

Мистер Уолш не лукавил — болезнь и в самом деле точила его изнутри, еще немного, и это станет видно невооруженным глазом. И если мистер Мирт в самом деле сможет добыть абаллахское яблоко, он вновь спасет жизнь главе Парламента и обеспечит Британским островам покой еще на какое-то время. Даст мистеру Уолшу возможность воспитать преемника. А если не сможет... Что ж, мистер Уолш ничего не терял.

Габриэль Мирт усмехнулся. Если мистер Уолш таким образом пытался отдалить его от эпицентра политических интриг, то он забыл, с кем имеет дело. Мистер Мирт не был бы самим собой, если бы предпочел политические

МАРИЯ РУДНЕВА

разбирательства собственным изобретениям, главное из которых сейчас предстало его взгляду.

На старой ферме, достаточно удаленной от посторонних глаз, чтобы никаких случайных зевак не притянуло сюда магнитом любопытства, стоял огромный овин, после нехитрых манипуляций ставший вполне приличного вида испытательным полигоном. Мистер Мирт с помощью Джона Ортанса превратил обычную крышу в подвижной механизм, который позволил бы поднять дирижабль сразу в небо, не занимаясь переносом огромной машины из одного места в другое.

Габриэль повернул рукоять выключателя. Парогенератор заработал, повсюду зажглись лампы, освещающие главный результат трудов последних месяцев.

Дирижабль возвышался посреди овина, огромный, могучий, похожий на спящую птицу. Наполовину сдутая оболочка держалась на специальных креплениях — в отсутствие мистера Мирта на полигоне паровое давление в клапанах не поднималось. В гондоле не горели фонари, и из-за игры теней казалось, что она куда больше, чем есть на самом деле.

Недалеко от дирижабля, в этом же овине, находился засыпанный бумагами рабочий стол. Даже величайшему детективу столетия сложно было бы отыскать на нем едва ли дюйм свободного места, настолько плотно все скрывали стопки исписанных листов, свернутые в рулоны чертежи и детали миниатюрной модели летательного аппарата. Мистер Мирт и сейчас остался верен себе и собрал модель для испытания, на этот раз в двух экземплярах: один дирижабль ночевал в его особняке по соседству с крохотной копией знаменитой паровой машины, второй же нашел себе место рядом с пресс-папье.

Сядясь за стол, Габриэль Мирт скинул несколько чертежей и стопку записей прямо на пол так небрежно, слов-

Мирт. Холмы Каледонии

но они не несли никакой ценности. В какой-то степени так оно и было: дирижабль уже был собран, и бесконечные расчеты повторялись в разных вариациях на каждом листе для заметок. Мистер Мирт открыл дневник в тяжелом кожаном переплете и погрузился в перечитывание недавних записей, пытаясь таким образом поймать ускользающую мысль.

Он знал, что что-то упускает и что решение загадки должно быть намного проще, чем сам вопрос. Однако время шло, а истина все никак не желала проступить сквозь туман непонимания.

Дирижабль молча возвышался за его спиной. Мистеру Мирту показалось, что, если прикрыть глаза и прислушаться, может почудиться, что исполинская машина дышит. И это вздохи сожаления оттого, что создателю в этот раз не хватает его хваленой гениальности, чтобы зажечь искру жизни. Подобно Прометею из Эллады, подарившему людям огонь, мистер Мирт должен был нести Просвещение, а вместо этого раз за разом переписывал набившие оскомины формулы, пока перед глазами не начинало рябить. Белые манжеты рубашки покрылись чернильными пятнами — Поуп будет ворчать и осуждающе смотреть, но что мистер Мирт мог поделаться, если одежда — последнее, о чем он способен думать, захваченный азартом исследователя? Чернильница опустела, а мистер Мирт все так же сидел с пером над чистым листом бумаги, не замечая чернильных пятен, растекающихся по листу, и думал.

Сколько они с Ортансом ни пытались запустить парогенератор и наполнить оболочку дирижабля, мягкий каркас не желал надуваться равномерно. Несколько раз они раздвигали крышу, чтобы позволить дирижаблю взмыть в воздух, но это неизменно приводило к деформации обо-

МАРИЯ РУДНЕВА

лочки и быстрой посадке. Еще ни разу им не удалось даже вывести дирижабль целиком из овина, в самой высокой точке подъема гондола касалась крыши.

Чтобы преодолеть силу гравитации и совершить полет на довольно длительное расстояние — Габриэль бросил взгляд на карту на стене, где флажками был отмечен маршрут от Лунденбурха до Эденесбурха, — необходимо, чтобы давление пара внутри распределялось равномерно. Выходило, что нынешняя оболочка просто не справляется со своей задачей.

Мистер Мирт вскочил. Ну конечно! Все это время они с Ортансом сражались с последствиями, хотя надо было — с причиной!

Мистер Мирт отбросил перо на стол, опустился на колени, пачкая брюки о земляной пол овина, и потянул к себе охалку чертежей, ранее столь безрассудно отвергнутых. Развернул один, другой, третий — пока не нашел тот, в котором отчаянно нуждался сейчас.

И прямо на полу начал чертить поверх, приговаривая под нос:

— Если возьмем мягкий каучук... И прикрепим его сюда, сюда и еще вот сюда... А потом растянем... препятствует деформации... Объем увеличится до 14 процентов и при этом... предохранители...

Перо черкало по чертежу, и вот уже цельная оболочка дирижабля была разделена на три части, между которыми мистер Мирт вписывал что-то дрожащей от возбуждения рукой.

— Гениально! Так даже при сильном давлении форма будет держать в натянутом состоянии... — Он откинул голову назад и крикнул, обращаясь к машине: — Вот видишь! Если что-то не работает, это надо просто разобрать и собрать! Дай нам пару дней, дружище, и ты взлетишь выше любого орла!

Мирт. Холмы Каледонии

Скрип двери мистер Мирт расслышал не сразу. Поглощенный своим открытием, он старался зафиксировать все моменты, чтобы потом не пришлось заново копаться в памяти, объясняя Ортансу технические нюансы. Потому явление высокого сухощавого человека в зеленом сюртуке, с копной каштановых волос и крупным носом, с большой сумкой через плечо застало его врасплох.

— Мистер Габриэль Мирт! — в голосе незнакомца звучала преувеличенная восторженность, а на протянутой для рукопожатия руке не хватало перчатки. — Как же я счастлив! Наконец-то представилась возможность познакомиться лично!

Габриэль моргнул.

— Прошу прощения? — уточнил он, осознавая всю смехотворную неловкость ситуации — он почти лежит на полу, уткнувшись носом в бумаги, а незнакомец делает вид, что не видит в этом ничего особенного.

— Я мистер Эван Уотерс, корреспондент газеты «Вести Тамессы»! Мы с вами встречались на благотворительном вечере, устроенном мистером Леннорманом в поддержку художников. Я тогда расспрашивал вас о вашем новом изобретении, но вы посоветовали мне подойти попозже.

— И что же, по-вашему, это «попозже» уже наступило? — вот теперь Габриэль смутно вспомнил этого человека.

Один из тех назойливых репортеров, которые шагу не дадут ступить, пока не позволишь им зафиксировать все твои слова и мысли. Мистер Мирт репортеров на дух не переносил.

— Конечно наступило, — согласился мистер Уотерс. — Я же пришел!

— М-да, аргумент, — пробормотал себе под нос мистер Мирт, поднимаясь наконец с пола.

МАРИЯ РУДНЕВА

Его перчатки — грубые и подходящие для работы с перемазанными машинным маслом тросами — лежали на краю стола и не подходили для джентльмена, но, пожимая влажную ладонь мистера Уотерса, Габриэль пожалел, что пренебрег ими. Незаметно вытереть ладонь о скюртук мешало полученное при королевском дворе воспитание.

— Так что вы хотели? — так вежливо, как только мог, поинтересовался он.

Мистер Уотерс обошел его со спины и без спроса сел на стул, закинув ногу на ногу.

— Итак, мистер Мирт, когда вы намерены поднять вашу летающую машину в воздух и совершить историческое путешествие? — спросил он.

Мистер Мирт пожал плечами:

— Пока еще не знаю. Дирижабль — очень сложное изобретение, требующее точных расчетов. В каком-то смысле намного сложнее паровой машины: ведь он полетит по воздуху, словно гигантская птица. Пока я не буду убежден в его полной готовности и не проведу пару тестовых полетов, я не смогу объявить о...

— Ну вы можете сказать хотя бы примерно? — перебил его мистер Уотерс. — Мне надо внести в расписание!

Это было вопиюще невежливо с его стороны, и Габриэль, довольно редко сталкивающийся с грубостью, не сразу нашелся с ответом.

— Простите, что именно вам надо внести в расписание? — осторожно уточнил он.

— Полет на вашем дири... дижре... Дерижабеле, вот что! — мистер Уотерс махнул рукой в сторону упомянутого аппарата. — Как представитель главной лунденбургской газеты «Вести Тамессы», я отправлюсь вместе с вами и зафиксирую для истории каждое мгновение первого в мире полета!

Мирт. Холмы Каледонии

Мистер Мирт зашелся кашлем. С трудом придя в себя, он все-таки смог выдохнуть сквозь стиснутые зубы:

— При всем уважении... мистер Уотерс... Я не планировал брать с собой в полет никого постороннего!

— Вот как? — Мистер Уотерс сощурился и подался вперед всем телом: — А кого вы планируете брать в сопровождающие?

— Мисс Эконит, — ответил мистер Мирт, и по широкой ухмылке мистера Уотерса понял, что попался.

— И вы считаете, что кто-то допустит, чтобы молодая незамужняя девушка находилась наедине с холостым джентльменом на высоте... На какую высоту поднимается ваша лодка?

— Две тысячи футов, — машинально подсказал Габриэль.

— Две тысячи футов! — возмущенно всплеснул руками мистер Уотерс. — И мисс Эконит, конечно, даже не подумает о том, чтобы взять с собой компаньонку. Подумайте о репутации девушки, вы, эгоистичный болван! Я отправлюсь с вами, чтобы свидетельствовать, что честь Амелии Эконит не пострадала!

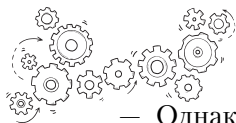
— Но... — попытался было вставить слово мистер Мирт, но мистер Уотерс был непреклонен:

— И вы же не хотите, чтобы я написал хоть слово, порочащее ее имя.

Мистер Мирт устало посмотрел на мистера Уотерса. Этот энергичный человек производил впечатление напористого упряма, который во что бы то ни стало пойдет до конца.

И ведь на самом деле предстоящий полет вдвоем действительно может опорочить честь мисс Амелии. Если посмотреть на дело под таким углом... мистер Мирт не собирался этого допускать.

Он сказал:

МАРИЯ РУДНЕВА

— Однако с нами еще летит мистер Органс, механик.
Мистер Уотерс только отмахнулся:

— Еще лучше! Он не джентльмен! Вы только подумайте, какие пойдут разговоры!

Мистер Мирт сдался:

— Будь по-вашему.

Уотерс довольно рассмеялся:

— Вот так бы сразу! Этот материал станет легендарным! В вас верит весь Лунденбурх, мистер Мирт! Все Бриттские острова! С вашей стороны было бы крайне опрометчиво подвести их!

С этими словами мистер Уотерс встал со стула, хлопнул Габриэля по плечу и бодрой, слегка нервической, походкой направился к выходу из ангара.

— Так вы решили когда? — бросил он через плечо.

— В июне, — ответил ошарашенный напором этого человека мистер Мирт. — К Лите.

— К Лите так к Лите, вот так сразу бы и сказали, — довольно улыбнулся мистер Уотерс. — Мой шеф будет доволен. Удачи вам в тестовых полетах. Я очень надеюсь, что эта штука не рухнет и не перевернется, пока на борту буду находиться я.

Мистер Мирт запустил руку в волосы, путаясь пальцами в кудрявых каштановых прядях, и смотрел в спину мистеру Уотерсу до тех пор, пока тот не скрылся за дверью.

— Да-а-а, — протянул он. — Дела...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮИЦЗИЯНЯ
ЛУНДЕНБУРХ, АПРЕЛЬ 18** ГОДА

Удивительно, насколько мистер Мирт — неутомимый человек. Что еще более удивительно — то, как он увлекает за собой всех нас.

Я всегда считал себя человеком спокойным и рациональным. Для ханьской культуры неприемлемы непродуманные порывы. Для дипломата — вдвойне. Впрочем, один такой непродуманный порыв уже стоил мне части тела и впоследствии привел к тому, что мы имеем сейчас (не могу не возвращаться мысленно в тот день, закрываю глаза — и вижу две фигуры, схлестнувшиеся в драке на крыше пылающей неуправляемой паровой машины).

Я надеюсь, что хоть немного покоя после всего случившегося мне светит. Но нет! То, как мистер Мирт заражает своей увлеченно-

стью всех вокруг, как я уже говорил, удивительно. И в мое сердце он тоже пробрался. Не могу не думать, каково это — взлететь над землей.

Признаться, мне страшно. Я не хочу лететь с ними, я предпочитаю быть свидетелем с земли. Но сама идея вдохновляет меня.

Я говорю, что не хочу этого полета, потому что боюсь высоты.

Чушь. Я военный, тренированный лучшими ханскими спецслужбами. То, что я не приемлю насилия, не значит, что я не делал ничего для своего совершенствования.

Но я не хочу признаваться, что причина в другом — в моей руке.

Джон сделал все, что было в его силах. Он блистательный мастер, лучший в мире за пределами Империи Хань. Он чудом добыл детали, позволившие заменить поврежденные протезы, и я могу действовать обеими руками как раньше.

Но даже он ничего не может сделать с постоянной болью, терзающей меня. Я не подаю виду, не говорю ничего, ни единым вздохом не даю понять ему, что это-то не так: мне не хотелось бы ранить его.

Мирт. Холмы Каледонии

Он в самом деле совершил все, что мог. Никто не смог бы сделать для меня больше.

И сейчас он с таким восторгом мечтает о том дне, когда дирижабль оторвется от земли и поднимется в небо!

Но...

Я знаю, что буду лишь обузой в этом полете.

Глава 3

НЕОЧЕВИДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Джон Ортанс сидел в любимом кресле и смазывал инструменты. Давняя привычка, выработанная им еще в те годы, когда он, юный и неопытный, работал в небольшой мастерской в Улье помощником механика, помогала привести мысли в порядок. В этом и заключался секрет вдумчивого спокойствия, внушающего доверие всем без исключения его клиентам. При этом инструменты всегда находились в идеальном состоянии. Объемный кожаный саквояж, в котором они хранились, уже порядком повидал жизнь — на углах черная кожа вся пошла кракелюрными трещинами и на углах вытерлась практически до белизны. Однако Ортанс не променял бы свой старый саквояж на новый, даже самый удобный и дорогой. В шутку он иногда называл его отражением собственного жизненного пути. И хотя сам Ортанс выглядел вполне молодо, и, встав на ноги и обретя собственное дело, сумел привести в порядок и лицо, и бороду, и дела, саквояж отражал перенесенные в прошлом невзгоды за него. И инструменты Джон давно мог позволить себе новые, но предпочитал те, что есть, — за каждым бережно оберегаемым гаечным ключом или отверткой тянулась целая история.

Отнюдь не в последнюю очередь благодаря этим инструментам по железнодорожным путям, тянувшимся из Лунденбурха в столицу Каледонии, мчатся теперь паро-

Мирт. Холмы Каледонии

вые машины, позволяя зажиточным гражданам экономить до двух суток в дороге.

— Но нет, паровая машина это теперь слишком просто, — пробормотал Ортанс себе под нос.

Мистер Мирт потерял интерес к паровой машине почти сразу же, как загорелся новой идеей. И Ортанса с собой утащил. Теперь в ангаре Ортанс проводил гораздо больше времени, чем в собственной мастерской. Некоторые его постоянные клиенты были не в восторге от такого положения дел, но авторитет мистера Мирта после запуска паровой машины (и не в последнюю очередь после спасения членов Парламента от переполненного жаждой мести Джеймса Блюбелла) взлетел так высоко, что недовольство выливалось разве что в едва слышный ропот или просьбы украдкой заранее присмотреть местечко в расписании, на всякий случай, нет-нет, пока ничего не сломалось, а вдруг вот дядюшкины часы, в них, знаете ли, что-то похрустывает, когда стрелка подходит к семи...

Ортанс только головой качал. Кому-то шел навстречу, кому-то — если не получалось — обещал небольшую скидку, не желая совсем уж терять наработанную годами клиентуру. Но в голове зудела и не утихала мысль, что никто из этих довольно обеспеченных джентльменов не смог принести ему столько денег и работы, сколько один глубоко увлеченный подменыш фаэ.

На порог мистера Мирта Ортанса привела нужда, а вот остался он уже по своей воле, совершенно влюбившись в то, с какой легкостью Ортанс подчинял себе и металл, и железо, и камень. А мыслил Мирт совершенно не как человек — и даже объяснить это кровью фаэ не получалось, ведь он всю жизнь провел с людьми и никогда не был в Холмах. Да и кто знает, что там, в Холмах, происходит?

Мистер Мирт думает о людях, о том, как облегчить им рутину, сделать жизнь проще, приятнее и интереснее,

МАРИЯ РУДНЕВА

и при этом ставит перед собой задачи совершенно невероятные, иногда вопреки здравому смыслу.

Дирижабль...

Ортанс усмехнулся. Когда он впервые услышал эту идею, он просто не поверил в ее реальность. Оказавшись лицом к лицу с первыми чертежами, только покачал головой. А потом обнаружил себя в ангаре с гогглами на глазах и сварочным аппаратом в руке на высоте четырех метров от земли на страховочном тросе — и окончательно убедился, что безумие заразно. Особенно безумие мистера Мирта.

Последний смазанный ключ как раз лег обратно в саквож, когда на лестнице раздались шаги.

— Сегодня вы поздно, — отметил Ортанс, не поднимая головы — он тщательно складывал тряпки и масленки. — Плохие сны?

— На самом деле я проснулся давно, — сказал Цзиянь, подходя ближе. — Просто задумался, глядя в окно.

Кресло напротив, где он обычно сидел, сейчас было завалено какими-то деталями, с которыми Ортанс честно хотел успеть разобраться за утро, но отвлекся. Он поднялся, подхватил их все разом за рогожку, на которую складывал, и перенес на пол. Цзиянь благодарно кивнул и сел, сложив руки на коленях.

— Завтрак? — Ортанс, не дожидаясь ответа, перебрался через завалы вокруг кресел к маленькой кухоньке. В том, чтобы совмещать мастерскую и жилое помещение, были как свои плюсы, так и минусы. Цзиянь улыбнулся — эту картину он наблюдал каждое утро. Джон Ортанс против быта. Ортанс всегда знал, где лежат его инструменты или какие-то нужные детали, но ежедневно проигрывал поискам сковороды для скрембла.

Цзиянь пару раз пытался взять дело в свои руки и приготовить ужин, но Ортанс послепил холодную воду, пы-

Мирт. Холмы Каледонии

тался дышать и говорил, что ничего не имеет против ханьской культуры, столь дорогой сердцу его друга, но есть настолько острую и специфическую еду он совершенно не готов. Цзиянь безропотно согласился: готовка никогда не была его сильной стороной. Поэтому он оставил за собой право угощать Ортанса лучшим ханьским чаем, а Джон в свою очередь талантливо собирал на ужин фиш-энд-чипс и воскресное жаркое.

Тем более Цзиянь все равно был на редкость неприхотлив в еде.

Они позавтракали. Ортанс в самом начале их совместного проживания ввел железное правило — не говорить за едой ни о каких делах. Поэтому победу над скремблом праздновали в тишине, изредка обмениваясь впечатлениями о погоде. Но так как ни один из них сегодня еще не был на улице, приходилось обсуждать погоду как глобальное препятствие, одно из тех, что грозило встать на пути величайшего замысла мистера Мирта и частных.

— Если продолжатся такие ветра с северо-запада, взлететь будет проблематично, — заметил Цзиянь, разливая по чашкам зеленый чай. — Разве что дирижабль будет достаточно управляем, находясь в воздухе.

— Мы работаем над этим! — ответил Ортанс. — Сначала Габриэль хотел построить воздушный шар — более простую модель, он даже создал тестовый вариант. Но это показалось ему слишком простым, вы же знаете его, друг мой. Но дирижабль — гораздо более сложная конструкция, и для управления им нужны два пилота — один держит заданный курс, а второй наблюдает за углом тангажа¹ и с помощью штурвала выравнивает курс. Нужен доволь-

¹ Угол тангажа — угол между продольной осью летательного аппарата и горизонтом.

МАРИЯ РУДНЕВА

но сильный ветер, чтобы помешать его полету. Даже целый ураган.

— Надеюсь, обойдется без ураганов... — Цзиянь вздрогнул.

Сама мысль о том, что малоуправляемое судно на огромной высоте столкнется со стихией, вызывала тревогу.

И он все больше утверждался в своем решении, о котором намеревался наконец с Органсом поговорить.

— Джон, послушайте, — начал он после того, как с завтраком было покончено и посуду убрали обратно в шкаф. — Я хотел поговорить с вами. Серьезно поговорить. Это... насчет полета.

— Да, конечно. — Органс вмиг собрался.

Он ненавидел такое выражение лица друга — оно означало, что он снова нашел себе проблем там, где не стоило. Это был особенный талант Юй Цзияня — влезать в неприятности, и Органс заранее приготовился к самому худшему.

— Я не думаю, что мне стоит присоединяться к вам на борту дирижабля, — торопливо, на одном дыхании выпалил Цзиянь.

От волнения его ханьский акцент усилился, и Органс разобрал от силы половину слов.

— Повторите?

Цзиянь глубоко вздохнул и выдохнул, возвращая себе самообладание.

— Я не уверен, что мне стоит лететь. С вами.

— Но почему? — Органс поднял брови. — Если мне не изменяет память и чутье — а они, поверьте, верны мне как никогда, — еще недавно вы были столь же очарованы идеей полета, как и я?

— Верно, — Цзиянь склонил голову к плечу и обхватил руками колено: живые пальцы поверх механических. — Но это сложное устройство. И непростой полет —

Мирт. Холмы Каледонии

ведь мистеру Мирту мало сделать круг над городом, он сразу вознамерился долететь до Эденесбурха...

— Ну вы же знаете, это его любимый пункт назначения. Да и если что-то пойдет не так, мы сможем вернуться на поезде. Паровая машина ходит по расписанию.

— Это предусмотрительно, — Цзиянь чуть улыбнулся. — Но в полете не должно быть балласта. Вот к чему я веду.

— Простите, друг мой. — Ортанс выпрямился в кресле и нахмурился: — Мне показалось или вы только что назвали балластом... себя?

— По всему выходит, что так, — Цзиянь посмотрел в сторону. — Видите ли, я не уверен в себе как в пилоте. Да и зачем бы пускать меня к штурвалу? Мисс Эконит вместе с мистером Миртом справятся прекрасно. А я лишь буду создавать лишние проблемы, и в случае чего...

— Ваша рука, — сощурился Ортанс. — Так?

Цзиянь вздохнул. Иногда пронизательность друга казалась ему совершенно излишней. Он предпочел бы остановиться на том моменте, в котором его присутствие в гондоле дирижабля не имеет функциональной необходимости. Наивно было надеяться...

— Дайте я посмотрю, — Ортанс потянулся к нему через кресло, задев чашки. Чай расплескался на деревянную столешницу, но он даже не обратил внимания.

Цзиянь инстинктивно прижал руку к груди.

— Не надо, — натянуто улыбнулся он. — Все в порядке...

— Я вижу, как в порядке, — столик уехал в сторону, и Ортанс опустил на колени перед креслом, доставая из кармана моноколь.

— Я не...

— Дайте взглянуть. И не вздумайте щадить мои чувства. Вы же не станете скрывать от хирурга, что шрам от зашитой им раны воспалился?

МАРИЯ РУДНЕВА

По лицу Цзияня он понял ответ — этот будет.

— Я не знаю, что у вас за порядки в вашей Ханьской империи, — пробормотал Органс. — Но здесь Британия, и тут у пациентов нет тайн от врачей. А я ваш врач — считайте так, если вам будет легче.

— Вы мой друг, — мягко ответил Цзиянь. — И я знаю, что вы делаете все, что в ваших силах, для меня. Просто иногда сил... недостаточно.

Он ослабил шейный платок и расстегнул пуговицы на жилете. Для него было привычно раздеваться перед Органсом — так врач снимает одежду перед пациентом. К тому же в Хань намного легче относились к телу, чем в чопорной Британии, где стремились закрыть чехлами даже ножки рояля. Органсу было сложнее — он всегда начинал осмотр с какой-то долей смущения, которую Цзиянь предпочитал не замечать.

Он высвободил механическую руку из рукава рубашки и позволил Органсу оценить проблему.

Органс что-то проворчал сквозь зубы по-гэльски — не иначе как помянул Малый народец, хотя они тут точно были ни при чем. Просто Цзиянь счел, что Органс и так сделал для него слишком много, и не жаловался, а Органс, увлеченный проектированием дирижабля, не настаивал на регулярных осмотрах.

Как выяснилось, зря.

— М-да... — Органс провел кончиком большого пальца по воспалившемуся шраму в том месте, где металл спаивался с человеческой кожей. — Нехорошо. Сильно болит?

— Бывает...

— Цзиянь!

— Правда же, бывает. Иногда сильно — например, в дождь. Иногда вообще не замечаю...

— Да уж, с учетом того, что дожди в оставленном богиней Дану Лунденбурхе льют едва ли не каждую неделю,

Мирт. Холмы Каледонии

это внушает оптимизм, — ухмыльнулся Органс, взяв себя в руки. — Дайте осмотрю все остальное.

Цзиянь послушался, снимая рубашку совсем.

Удивительно, но металл на животе и в глазу совсем не доставлял неприятностей. То ли потому, что в этих частях тела постоянное напряжение было меньше, чем в руке, то ли по иной причине, но швы были чистые, и металл не поддавался коррозии — в отличие, опять же, от руки. Хотя всю биомеханику на Цзияне Органс менял одновременно, и материалы, доставшиеся им с таким трудом, прибыли напрямую из Хань.

— Загадочно, — пробормотал Органс. — С учетом того, что все ваши механические детали так или иначе скрыты от непогоды под одеждой и шляпой, а ванну вы принимаете со всей возможной аккуратностью, я бы сказал, что проблема именно в том, что это ваша активная рука. Постоянное трение ускоряет износ материалов. Боюсь, я оказался вовсе не так хорош в биомеханике, как мы оба с вами надеялись.

— Бросьте, Джон! — Цзиянь накрыл его руку своей. — Если бы не вы, я бы уже давно развалился на части, в буквальном смысле слова. Только благодаря вам я держусь и в порядке. А это... Ерунда, право слово. Даже ханьские врачи не давали мне никаких гарантий, что все срастется идеально.

— И все же я... — Органс закусил губу. — Я не хочу, чтобы вам было больно. Я попробую найти способ, чтобы ослабить боль и не усугубить ситуацию. Вряд ли вы хотите, чтобы вам по третьему разу пересобирали руку — особенно без гарантии результата.

— Она вполне работает! — закивал Цзиянь. — Вы же видите, я пользуюсь столовыми приборами, могу завязать платок и даже управлять конем...

— Вот о последнем лучше все-таки пока забыть. Как ваш врач, я предписываю вам полный покой.

МАРИЯ РУДНЕВА

— И мы возвращаемся к тому, с чего начали. Я не могу полететь с вами. Моя рука... Я буду только обузой. Не смогу удержать тросы, если понадобится, даже не справлюсь со штурвалом. А лишний человек в гондоле — балласт.

— Подумайте еще, Цзиянь... Вы знаете, мне бы хотелось... И мистеру Мирту с мисс Эконит тоже. В конце концов, мы же одна команда, были ею и остаемся.

— Вам все равно нужен будет человек, который поможет перерезать красную ленточку, а потом сумеет успокоить возбужденную толпу оставленных на земле зрителей, — улыбнулся Цзиянь. — Это то, с чем я справлюсь намного лучше. Но... Могу я вас попросить?

— Конечно, друг мой. Все, что угодно.

— Не так уж много: не говорите, пожалуйста, Мирту истинную причину моего отказа. Я знаю, это отвлечет его и заставит переживать по столь не заслуживающей внимания мелочи. У него доброе сердце. Я не мог дольше скрывать от вас, своего врача, в этом вы правы. Но мистер Мирт должен думать сейчас только о деле.

Органс кивнул:

— Да. Я понимаю.

— Я не заслужил настолько понимающего друга.

— Цзиянь...

Их разговор прервал торопливый стук в дверь.

Органс направился впустить неожиданного гостя, пока Цзиянь торопливо приводил в порядок одежду. Благо на подвижность и ловкость механических пальцев воспалившиеся швы у плеча никак не влияли.

Так что когда мистер Мирт, чрезмерно взволнованный, влетел в комнату, Юй Цзиянь выглядел так, как и подобает джентльмену, встречающему утренних гостей.

Сам мистер Мирт, правда, отнюдь не был похож на того, кто проводит утро за ленивыми визитами. Он был

Мирт. Холмы Каледонии

взломачен, воротник рубашки испачкан чернилами, на манжетах — следы масла и одет в ту одежду, в которой обычно находился в ангаре.

Цзиянь сделал из этого напрашивающийся вывод, что что-то произошло у дирижабля.

Органс тоже.

— Все в порядке? — спросил он, почти силой усаживая мистера Мирта в кресло — будучи взволнованным, тот отличался чрезмерной энергичностью.

— С дирижаблем? Пожалуй, что да! — мистер Мирт потряхнул кудрявой головой.

Волосы его отросли за последние полгода и теперь выбивались из ленты, как дикий виноград.

— Чай по-ханьски или по-бриттски? — быстро спросил Цзиянь, пока еще была возможность вставить хоть слово.

— По-бриттски, пожалуйста, — с чопорной осторожностью попросил мистер Мирт.

Ханьским чаем и еде он не доверял с предвзятостью истинного бритта, хоть и старался не подавать вида, не желая обидеть Цзияня. Цзиянь улыбнулся и отправился на поиски молока в то, что служило им с Органсом подполом — достаточно холодное пространство прямо у порога. Возможно, когда-то оно служило Органсу для других целей... Цзиянь не спрашивал. Это была не тема для обсуждения, как и знакомства Органса и его прошлое. Так как сам Цзиянь умалчивал о многом, это было справедливо.

Пока он ходил за молоком, Органс успел вскипятить на плитке чайник. Цзиянь передал ему молоко — пусть таким варварством, как бриттский способ заваривания чая, занимается бритт! Сам Цзиянь постоянно норовил зажмуриться при виде того, как ароматный черный чай льют прямо в молоко.

МАРИЯ РУДНЕВА

Но мистер Мирт, судя по всему, был совершенно доволен нарушением всех канонов чая (старик Лу Юй¹ был бы в ужасе, если бы сошел на Землю из чертогов Небожителей). Взяв чашку, он сначала пригубил напиток, проверяя температуру, а затем сделал несколько медленных глотков.

Когда чашка опустела, а мистер Мирт успокоился настолько, чтобы продолжать беседу, Органс уселся в кресло напротив, а Цзиянь пристроился на подлокотнике.

— У меня сразу несколько новостей, — сказал мистер Мирт, запуская руку в волосы. — И я не знаю, с какой начать.

— Всегда лучше начинать по порядку, — подбодрил его Органс.

— И правда... Дело в том, что наш полет превращается в миссию, от которой зависят судьбы Бриттских островов.

— Даже так, — поднял бровь Цзиянь. — Что случилось?

— Я скажу вам, и знаю, что мне нет необходимости просить вас о молчании, но все-таки попрошу: дело государственной важности, — мистер Мирт понизил голос. — Чейсон Уолш болен, и он считает, что в Каледонии найдется лекарство для него.

— И что же это? — в голосе Органса послышался скепсис. — Вряд ли каледонский фермерский сидр?

— Один из легендарных артефактов фаэ! Поисками я займусь сам, конечно. Просто... Теперь все становится немного труднее, чем просто добраться до Эденесбурха и обратно.

— А когда у нас что-то было просто? — философски спросил Органс, припоминая историю первой паровой машины.

Мистер Мирт улыбнулся:

¹ Лу Юй — создатель первого трактата о чае «Чайный канон».

Мирт. Холмы Каледонии

— Ну, что поделаешь! Значит, такова наша судьба!

— Но чтобы добраться хотя бы до Эденесбурха — не говоря уже о всяких легендарных местах, которые наверняка скрыты от посторонних глаз, и попасть туда совсем не так просто, как хотелось бы, — нужно хотя бы взлететь, — заметил Цзиянь. — А у нас пока с этим проблемы.

— Проблемы кончились! — торжественно сказал мистер Мирт и даже выпрямился. — И это — вторая новость. Но, наверное, самая важная. Джон, я все рассчитал. Он полетит! Теперь — совершенно точно, нам просто надо кое-что переделать в строении оболочки, и тогда все расчеты сойдутся. Мы сможем сделать тестовый подъем на небольшую высоту, и если все пройдет удачно, то объявим о дате полета во всех газетах! Кстати, о газетах...

— Пойдите-пойдите! — перебил Ортанс. — Вы смогли разобраться?

— Да, я нашел ошибку, — нетерпеливо повторил мистер Мирт. — Мы завтра же начнем исправлять ее! Встретимся в ангаре рано утром, я все расскажу! Так вот, о газетах...

— А что с ними? — Цзиянь склонил голову к плечу.

— Журналисты! — воскликнул мистер Мирт с таким отчаянием, словно это слово значило «катастрофа». Впрочем, дальнейшие события показали, что так оно и было.

— Журналисты?

— Да! Точнее, один журналист, Уотер, или Соутер, или как-то так, он проник в ангар и заявил, что намерен во что бы то ни стало сопровождать нас в полете!

Ортанс и Цзиянь удивленно переглянулись.

— Разве не предполагалось, что репортеры будут на земле у красной ленты? — поинтересовался Ортанс, не любивший всю репортерскую братию без разбора.

— Конечно, так и предполагалось, — вздохнул мистер Мирт. — Но этот оказался особенно настырным. Узнал,

МАРИЯ РУДНЕВА

где стоит ангар, проник внутрь и застал меня врасплох. Хуже всего то, что я не смогу ему отказать.

— Но почему? — не понимал Органс.

Вместо мистера Мирта ответил Цзиянь:

— Как мне видится ситуация, все дело в том, что он, на нашу беду, репортер «Вестей Тамессы». И здесь есть нюанс.

Мистер Мирт кивнул:

— Эта газета всегда поддерживала мои изобретения, да и в целом, по сути — глас народа. Если оттолкнуть журналиста... Поверьте, публике это не понравится. Мистер... Уотерс, вспомнил... Поставил меня в патовую ситуацию. К тому же он угрожал мне.

— Угрожал вам? Мистер Мирт, это...

— Джон, я понимаю ваш порыв, но он был прав, заявив, что мисс Амелия окажется в окружении мужчин совсем без присмотра. Это мы знаем, что безопасны для ее чести и что мисс Амелия может за себя постоять. Но оскорбленный репортер может перечеркнуть ее репутацию одним росчерком пера. Вспомните, как легко молва убила ее отца.

— Но ведь этот репортер... Он тоже мужчина, верно? — Цзиянь моргнул. — Разве его присутствие не усугубит ситуацию?

— О, поверьте, мой дорогой, никто в здравом уме не станет воспринимать репортеров как мужчин! — ухмыльнулся Органс. — Но публика будет уверена, что мисс Эконит находится под строжайшим наблюдением самого бдительного и честного человека Британии. Я правильно понимаю?

С губ мистера Мирта сорвался вздох.

— Да, все так. Боюсь, нам придется взять с собой этот балласт и надеяться, что он окажется достаточно полезен в пути... И, по крайней мере, не принесет никому вреда.

Мирт. Холмы Каледонии

— Кстати, о балласте, — пробормотал Цзиянь. — Мистер Мирт, вы сильно расстроитесь, если я скажу, что не полечу?

— Что? — вскинулся мистер Мирт. — Друг мой, но... Почему?

— Я боюсь высоты, — с невинным видом сказал Цзиянь. — Признаюсь честно, она мне противопоказана. В Хань во время паломничества я не мог подняться к горному храму, чтобы не закружилась голова.

— Но почему вы раньше не сказали? — растерянно спросил Габриэль.

— Я думал, я справлюсь, — Цзияню даже не пришлось покривить душой при этих словах. — Но после того, как я стал плохо спать... Я решил, что так будет лучше.

— Вот как... А вы, Джон?

— Возможно, с учетом нового члена экипажа, так некстати навязавшегося нам, мне лучше будет остаться с Цзиянем.

Цзиянь бросил на него ошарашенный взгляд. Об этом разговора не шло!

Мистер Мирт задумчиво кивнул:

— Давай сначала пересчитаем вместимость гондолы с учетом Поупа... А потом вы примете окончательное решение? На борту нужен механик...

— И он будет, вы берете с собой мисс Амелию! Она и так принимает значительно меньше участия в проекте, чем ей хотелось бы, — а все из-за ее обязанностей в «Обществе суфражисток»! Она будет только рада официально стать вторым пилотом. Ей, в конце концов, не привыкать!

— И это верно... — мистер Мирт опустил подбородок на руки. — Что ж... Я должен это обдумать, друг мой. Слишком много всего за один день. Слишком много. Позвольте, я откланяюсь? Спасибо за чай. Утром жду в ангаре, у нас много дел и мало времени!

МАРИЯ РУДНЕВА

Мистер Мирт унесся так же стремительно, как и появился. Едва за ним закрылась дверь, как Цзиянь спросил:

— Джон, что вы творите?

— Я не хочу оставлять вас одного, зная, что с вашим протезом что-то происходит, вот и все, — буркнул Ортанс, проходя в мастерскую. — И если что-то случится с дирижаблем и командой, вдвоем с земли мы сможем оказать больше помощи, чем вы в одиночку.

— И давно вы это решили? — возмущенно крикнул Цзиянь ему вслед.

— Только что, — отмахнулся Ортанс, надевая гоглы. — А сейчас простите, друг мой, но мне надо до вечера успеть с одним небольшим заказом. Что-то подсказывает мне, что ближайшие несколько недель я буду жить в ангаре. Так что надо бы успеть задобрить особо нетерпеливых клиентов!

Цзиянь медленно выдохнул. Спорить с Джоном Ортансом — все равно что играть в маджонг с голубями. Никогда не одолеешь, будь ты хоть трижды прав.

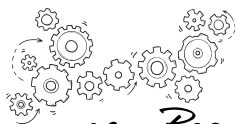
ИЗ ДНЕВНИКА ЭВАНА УОТЕРСА
ЛУНДЕНБУРХ, АПРЕЛЬ 18** ГОДА

Итак, шеф доволен мной! Признаться жестко, я сомневаюсь, что он с самого начала верил в успех нашей затеи — однако же вот я, полноценный член будущего экипажа дирижабля... Интересно, а будет ли у него название? Кораблям дают название! Летящим аппаратам тоже должны.

Вот и первый вопрос к мистеру Мирту...

Идея! Мне надо сделать небольшое интервью с мистером Миртом и опубликовать его до полета! Чтобы публика уже была готова к тому, что увидит. Шутка ли — безумец, вознамерившая взлететь к Солнцу, как в мифах Эллада, и я вместе с ними!

Страшно ли? Ох, очень страшно. Самому себе, на страницах дневника, я могу в этом признать-

ся. Все стимается в тивоте, сто-
ит представить, что я перестану
твердо стоять на земле и окажусь
в небесах с этим ненормальным.

И этой ненормальной. Мисс Эконит
та еще штурка, дочь своего отца, вы
посмотрите. Подает утасный пример
всем девушкам Британии. Не знаю,
это хуже: деятельность целого «Об-
щества суфратисток» с их проте-
стами и парадами или одна такая
мисс в штангах и с галетным кляном
в руках. Наши традиции, хранимые
веками, трещат по швам! Не одо-
бряю категорически! И вот с этой
особой мне придется провести в по-
лете... Сколько? Сутки? Двое? Сколь-
ко вообще лететь до Каледонии, кто-
нибудь знает? Вот еще один важный
вопрос, который просто необходимо за-
дать мистеру Мирту до полета!

И поговорить с нотариусом, все
ли в порядке с моим завещанием.
Перестраховаться в таком деле не
мешает... Уф, или я погибну с ге-
стью, или положу мистеру Вэйрису
на стол репортаж века!

И лучше все-таки второе...

Глава 4

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КАРИКАТУР

С того самого дня, когда мистер Мирт прилюдно отказался от членства в «Клубе изобретателей имени П. Графа», он так и не вступил ни в какое другое джентльменское сообщество. Ему вполне хватало своей команды, дирижабля в ангаре и стремления сделать смертный мир хоть немного лучше.

Конечно, далеко не всем это пришлось по душе. Небезызвестный лорд Дарроу, все так же председательствующий в «Клубе изобретателей», заявлял, что мистер Габриэль Мирт пошел по скользкой дорожке. Для порядочного джентльмена не принадлежать ни к какому обществу других достойных джентльменов просто-напросто позорно. Это бросает тень на его репутацию... И на репутацию тех, кто находится рядом с ним.

Под «теми, кто рядом» лорд Дарроу, конечно же, подразумевал мисс Амелию Эконит. С этой особой у него были свои счеты: мало того что она добилась своего и первой проехала за рулем паровой машины... Так еще и оказалось, что ее отца зря сгноили в Бедламе, и пришлось восстановить его доброе имя.

Лорд Дарроу в юности и даже в зрелые годы соперничал с Гилдероем Эконитом, и случившееся возрождение последнего пришлось ему не по душе. А все этот Мирт!

МАРИЯ РУДНЕВА

О летательном аппарате в «Клубе изобретателей имени П. Графа» были, конечно, осведомлены: после того как первые слухи просочились в прессу, весь Лунденбурх гудел — кто в сомнениях, кто в предвкушении, но равнодушных не осталось.

И все бы ничего, если бы в тот момент, когда появились первые ласточки новостей, у «Клуба изобретателей имени П. Графа» не проходила собственная маленькая выставка достижений, традиционно проводящееся раз в полгода мероприятие, помогающее простым лунденбурхцам найти новые аппараты для своей пользы, а изобретателям — защитить новые патенты и получить спонсорство.

И надо же было такому случиться, что именно в этот раз — что за совпадение! — в здание клуба не явился ни один посетитель.

Разочарованные члены клуба сетовали на особо разгулявшуюся в этот день непогоду и проливной дождь, мешавший выйти на улицу, но мистер Дарроу точно знал — все это происки коварного Габриэля Мирта!

Лорд Дарроу был человеком дела и долго предаваться печали не любил и не умел. Вместо этого он предпочел пригласить на обед своего давнего приятеля Финеаса Фэйгриса, главного редактора «Вестей Тамессы».

Мистер Фэйгрис явился к месту встречи, опоздав всего на четверть часа. Это был тот единственный человек, которого лорд Дарроу ни разу не упрекнул в отсутствии пунктуальности. «Вести Тамессы» были главным печатным изданием страны, и новости сыпались в редакцию как из рога изобилия. И чтобы отделить зерна от плевел, то есть стоящую информацию от не заслуживающей внимания, требовалось много времени. А ведь мистер Фэйгрис должен был еще и разослать своих репортеров в места горячих событий, чтобы первыми узнать что-то, что

может разжечь интерес публики, опередив другие газеты, или же хотя бы получить достоверные сведения из первых рук. Лорд Дарроу в полной мере осознавал важность его деятельности для общества в целом и для себя в частности (ни один завтрак его светлости на протяжении последних десяти лет не проходил без свежей утренней газеты), а потому прощал мистеру Фэйгрису такие опоздания, за которые любой другой джентльмен уже был бы подвергнут остракизму и отлучен от сиятельного общества.

— Добрый день, ваша светлость! — Мистер Фэйгрис изобразил вежливый поклон и тут же со смехом пожал протянутую лордом Дарроу руку. — Рад вас видеть. Нечасто случается нам выбраться куда-то теперь. Все дела, дела...

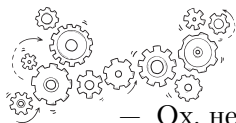
— Да... Мир куда-то торопится, летит вперед, — вздохнул лорд Дарроу, поправляя перчатки. — И куда только спешит? Время быстротечно...

Приятель медленно двинулся вниз по улице в сторону облюбованного ими ресторана с роскошным видом на Тамессу.

— Как жизнь в редакции, кипит? — спросил лорд Дарроу.

— Как и всегда! — ответил мистер Фэйгрис. — Весна всегда суматошный период. Почему-то больше всего событий происходит именно зимой и весной. А лето и осень спокойные и тихие...

— На то нам и дан календарь, — усмехнулся лорд Дарроу. — Колесо года набирает обороты в начале зимы и к осени постепенно останавливается, Великий Олень умирает, чтобы проснуться вновь к Белтайну, а время жатвы предшествует периоду долгого зимнего сна... Наши предки знали толк в жизни! И жизнь у них была спокойная...

МАРИЯ РУДНЕВА

— Ох, не смешите меня, дорогой друг, — отмахнулся мистер Фэйгрис. — Ну какая спокойная жизнь бок о бок с Маленьким народцем? Скольких фаэ с ума свели просто ради забавы? А с ними носились, потому что королевская кровь же! Королевские знания! Хорошо, что они ушли. Дышитесь спокойно!

— Тсс, — нахмурился лорд Дарроу. — Накличете еще...

— Я не боюсь, — подмигнул мистер Фэйгрис. — Вот еще, бояться каких-то жителей Холмов, которые еще и заперлись изнутри. Я не видел в Лунденбурхе ни одного холма! И верю я только в острое слово и твердость пера.

— Как хотите, — возвел глаза к небу лорд Дарроу. Его, человека старого воспитания, всегда нервировали подобные разговоры — все казалось, что какой-то особо проказливый фаэ подслушает, а потом явится ночью и пошутит так, что костей не соберешь.

— А как обстоят дела в вашем Клубе? — перевел тему мистер Фэйгрис, почувствовав, что зашел на опасную территорию.

Такие вещи он всегда определял очень точно, чем и пользовался в своих интересах. Сейчас интерес представляли душевный комфорт и спокойствие лорда Дарроу, что было гарантом хорошего обеда и интересной беседы. Мистер Фэйгрис не был бы самим собой, если бы не обладал талантом не только решительно прорываться вперед, но и вовремя сделать пару шагов назад, уступить и промолчать. Благодаря этому дару он, в том числе, стал в свое время лучшим репортером столицы.

— О, — вздохнул лорд Дарроу. — Полное фиаско. Джентльмены опускают руки и теряют интерес к самой идее науки!

— Это из-за того, что никто не пришел на вашу традиционную выставку? Я слышал об этом печальнейшем событии. Но непогода...

Мирт. Холмы Каледонии

— Ох, Фэйгрис! Ну вы-то должны понимать, что истинного ценителя науки не остановит ни дождь, ни град, ни даже ураган!

С этими словами он дернул ручку двери ресторана «Гузберри».

В прежние времена на этом месте стоял трактир некоего Финна, чья дочь готовила потрясающий пирог из крыжовника¹. Пирог стал настолько знаменитым, что попробовать его приходили и люди, и фаэ, и не только со всех концов Британии, но и из Каледонии, Вэласа и Эйре. Финн оттого разбогател так, что построил трактир побольше, а пирог из крыжовника стал его символом. Так много лет спустя нынешний хозяин ресторана — прапраправнук того самого Финна — назвал ресторан в память о нем.

И сейчас это было место, где собирались все сливки Лунденбурха, а простые горожане могли только мечтать сюда попасть.

Едва лорд Дарроу и мистер Фэйгрис переступили порог «Гузберри», как перед ними, словно из воздуха, возник метрдотель с радостной улыбкой человека, который целый день ждал появления именно этих двоих посетителей, и никого кроме. Метрдотель учтиво поклонился, и лорд Дарроу снисходительно кивнул, а мистер Фэйгрис почти панибратски поприветствовал его. Приятели так часто бывали здесь, что знали в лицо весь обслуживающий персонал.

— Ваша светлость! Вам как обычно? — следуя регламенту, уточнил метрдотель. — Столик на двоих на открытой веранде?

Лорд Дарроу переглянулся с мистером Фэйгрисом.

¹ Gooseberry (англ.) — крыжовник.

МАРИЯ РУДНЕВА

— Сегодня погода радует отсутствием дождя, — проговорил он. — Думаю, можно сесть на открытой веранде. Признаться, я скучаю по виду.

— Я тоже, — ответил мистер Фэйгрис. — Надеюсь, у вас найдется бренди?

— Все, что угодно, для уважаемых господ, — услужливо произнес метрдотель.

Приятелей провели на второй этаж и усадили за столик.

Метрдотель растворился в тених, а на его место явился вышколенный официант с идеальной осанкой. И сразу поставил на стол два бокала и наполнил их бренди. Наливал он на глаз, но если бы любопытствующий посетитель вознамерился проверить его точность, он бы с удивлением убедился, что в обоих бокалах бренди оказалось ровно на два пальца. Лорд Дарроу одобрительно хмыкнул и поднял бокал:

— Ваше здоровье, Фэйгрис!

Приятели сделали по глотку и одобрительно кивнули.

Официант тут же испарился — но только для того, чтобы в скором времени возникнуть с подносом с тарелками. Вкусы лорда Дарроу были прекрасно известны всему местному персоналу. Приходя на обед, он неизменно брал телячью лопатку, запеченный картофель и знаменитый крыжовенный пирог. То же самое полагалось есть и мистеру Фэйгрису — тот давно оставил попытки спорить с его светлостью касательно меню. Лорд Дарроу, по общепризнанному мнению, превосходно разбирался не только в науке и скачках, но и в высокой кухне. Его званные обеды гремели на весь Лунденбурх, а его привередливость в отношении качества продуктов стала притчей во языцех.

Мистер Фэйгрис соглашался с ним во всех вопросах кулинарии, кроме вечного камня преткновения: ханьской лапши с овощами. Ее подавали в забегаловках в порто-

вых кварталах, и мистер Фэйгрис, будучи еще не главным редактором, а всего лишь молоденьким репортером, согривал с ее помощью тело и душу на последние пенсы. Лорд Дарроу же заявлял, что ни за что не притронется к еде ханьских простолюдинов. Однако с удовольствием поглощал утку в кисло-сладком соусе, если ее подавали к столу.

Однако в «Гузберри» ханьской еды не подавали, а телятина была, как всегда, высшего качества.

После того как лорд Дарроу и мистер Фэйгрис в полной мере воздали ей должное, они вернулись к разговору.

— Итак... Мы заговорили о вашей выставке, которую постигла столь печальная судьба... — вкрадчиво начал мистер Фэйгрис.

Лицо лорда Дарроу страдальчески исказилось.

— Да! — сокрушенно вздохнул он. — Впервые за все годы существования «Клуба изобретателей имени П. Графа» члены клуба оказались так унижены! Что сказал бы мистер Граф! И поверьте — поверьте мне, Фэйгрис! — я знаю, чья это вина!

— И чья же?..

— Во всем виноват мистер Габриэль Мирт!

Мистер Фэйгрис сложил руки под подбородком. Чутье журналиста подсказывало ему, что лорд Дарроу готов поделиться чем-то не только наболевшим, но и эксклюзивным.

— И что же еще сотворил мистер Мирт? Его имя буквально у всех на слуху...

— Этот человек — позор всего мира науки! — решительно заявил лорд Дарроу. — Вы же были свидетелем той чудовищной ситуации, которая произошла во время проведения прошлой Выставки достижений? Доблестные и благородные рыцари науки, мои коллеги, вознамерились помешать мистеру Мирту совершить недопусти-

МАРИЯ РУДНЕВА

мое и решительно протестовали против того, чтобы эта особа... Эконит... была машинистом!

О, мистер Фэйгрис, конечно, был наслышан об этой истории. Сам он не присутствовал при историческом событии, но получил на стол сразу несколько красочных репортажей. С параграфиями, на которых на рельсах поперек выезда из ангара упрямо расположились сразу несколько джентльменов и у каждого на груди красовался значок принадлежности к «Клубу изобретателей».

— Какой ужас, — сочувственно откликнулся он. — Я слышал, мистера Мирта с позором лишили членства клуба?

Фэйгрис знал, что дело было не совсем так — мистер Мирт сам прилюдно выбросил свой значок, — но он хотел подыграть лорду Дарроу, чтобы услышать побольше.

— Ха! — воскликнул лорд Дарроу. — Как будто кто-то позволил бы ему остаться после такого! Он презрел все наши принципы!

— Однако это его имя уже полгода не сходит с таблоидов... — вскользь заметил мистер Фэйгрис.

— Да! И я уверен — он специально объявил о своей безумной идее создать к Лите летательный аппарат, чтобы отвлечь внимание общественности от нашей традиционной выставки. Вот такая мелочная у него душонка, что он решил отомстить порядочным джентльменам подобным отвратительным образом!

Если бы мистер Мирт слышал этот диалог, он пришел бы в глубочайшее удивление. Ему и в голову не приходило давать объявление о том, что он строит дирижабль, тем более указывать точные сроки — с учетом всех мучений, которые дирижабль доставлял им с Ортансом. В отличие от паровой машины дирижабль не планировался быть представленным к выставке, а потому воспринимал-

Мирт. Холмы Каледонии

ся Миртом как личный каприз, и он вкладывал в его постройку исключительно собственные сбережения. Газет он, будучи погруженным в работу, тоже не читал, а потому пребывал в блаженном неведении относительно заметки мистера Эвана Уотерса о том, что не позднее Литы мистер Мирт запустит свой летающий аппарат и взлетит выше солнца и облаков.

— Да, я слышал об этом, — сказал Фэйгрис. — Мой человек работает над тем, чтобы получить всю информацию в первую очередь.

— Ух, как меня это злит! — воскликнул лорд Дарроу. — Не ваш человек конечно, Фэйгрис. А то, что Мирт опять перетягивает на себя и свои игрушки все внимание общественности. То, что ему по каким-то неизвестным мне причинам благоволит мистер Уолш, еще не дает ему право...

Возмущение переполнило лорда Дарроу так, что у него кончился воздух и он вынужден был замолчать. А потом решительно перешел к делу:

— В общем, Фэйгрис, мне нужна ваша помощь. В одиночку мне его не одолеть!

Мистер Фэйгрис посмотрел на лорда Дарроу поверх стакана с бренди.

— И какого же рода помощь вам требуется, друг мой?

— Помощь человека, чье слово имеет большой резонанс! — Лорд Дарроу наклонился к нему и понизил голос: — Например... Разгромная статья! Заметка! Что угодно, что подорвет доверие публики к нему и заставит разочароваться в идее этого летательного аппарата!

— И вы думаете, это сработает?

— Безусловно. Знаете же, как это работает с чарами фаз? Звенит колокольчик, и чары спадают!

— Значит, вы хотите, чтобы я стал таким колокольчиком?

МАРИЯ РУДНЕВА

— Да, Фэйгрис, вы ухватили самую суть!
Мистер Фэйгрис задумался.

— Видите ли, мой дорогой... Не то чтобы я был против... Но «Вести Тамессы» — это издание, которое всегда беспристрастно оценивает происходящее и стремится донести только правдивые и самые интересные новости. Доверие наших читателей — наша лучшая валюта!

Здесь мистер Фэйгрис немного кривил душой — один экземпляр ежедневной газеты стоил три пенса, и именно это было лучшей валютой как для мистера Фэйгриса, так и для всех работников редакции. Однако в глазах окружающих он предпочитал выглядеть благородным писателем, а вовсе не бессердечным дельцом, и усиленно поддерживал эту легенду при любом удобном случае.

— Но так я и предлагаю вам правду! Истину! Вы сможете раскрыть читателям глаза на этого задаваку Мирта, все отвернутся от него, он лишится поддержки и приползет на коленях умолять принять его обратно в клуб! — кипятился лорд Дарроу.

Мистер Фэйгрис, однако же, сомневался, что мистер Мирт, с учетом его связей и происхождения (а ему, благодаря обширным источникам информации, многое было известно), хоть сколько-нибудь пострадает от раскрытия «правды», предложенной его светлостью. Но он также не собирался оставлять приятеля без возможности какого-либо реванша.

— Вот что, друг мой, я понял вас, ваши цели и желания. Но есть одно «но»! «Вести Тамессы» уже освещают деятельность Мирта. Если мы сейчас сменим курс, то будем выглядеть в глазах читателей непоследовательными, что подорвет доверие к нам. Нет, я не могу так рисковать!

О том, что его журналист уже плотно ведет Мирта и намерен освещать каждый его шаг, мистер Фэйгрис умолчал, посчитав информацию лишней. У него уже ро-

дился план, который он и намеревался представить лорду Дарроу.

— Но что же мне тогда делать, — лицо лорда Дарроу горестно вытянулось. — Признаться честно, я очень на вас надеялся!

— Не беспокойтесь! Я знаю, как нам поступить! — Мистер Фэйгрис подмигнул лорду Дарроу и сделал глоток бренди.

— Если знаете, то не томите! Рассказывайте уже! — потребовал лорд Дарроу, чье лицо раскраснелось от волнения.

— У меня есть приятель. Он многим мне обязан, признаться честно, именно я посадил его на это место...

— Какое место?!

— Место главного редактора небезызвестного издания «Панч».

На несколько мгновений воцарилась тишина.

— «Панч»? — недоверчиво переспросил лорд Дарроу. — Эта возмутительная газетенка, полная кляуз и оскорбительных картинок?

— Именно она. Мой приятель Лайм с удовольствием выполнит мою маленькую просьбу.

— Но как «Панч» поможет решить мою проблему?

— Вы разве не знаете, что этот журнал читают те же люди, что и «Вести Тамессы»? — Губы мистера Фэйгриса сложились в коварную усмешку. — Узнавая от нас самые последние новости, они первым делом устремляются узнать, что о них думает общественность. А «Панч» — это отражение общества! Они даже публикуют письма и рисунки читателей, что повышает лояльность к ним. Но и свой карикатурист у них весьма неплох, молодой талантливый парень по имени Тэмбурн!

— Карикатурист?..

— Я вижу, вы начинаете понимать суть моего плана!